

Н.А. БЕРДЯЕВ

СУДЬБА РОССИИ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 1(091)(47)
ББК 87.3(2)
Б48

Серия «Эксклюзив: Русская классика»
Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*
Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Бердяев, Николай Александрович.
Б48 Судьба России / Николай Александрович Бердяев. — Москва : Издательство АСТ, 2023. — 384 с. — (Эксклюзив: Русская классика).

ISBN 978-5-17-153150-8

Сборник статей «Судьба России», впервые опубликованный в 1917 году, — одно из самых трагических и одновременно сильных и искренних философско-публицистических произведений Николая Александровича Бердяева, книга, в которой автором, что называется, выстрадано каждое слово.

«Великой России уже нет... Война внутренне разложилась и потеряла свой смысл. Все переходит в совершенно иное измерение», — горько констатирует великий русский мыслитель и патриот, болезненно переживавший то, что названо им русским падением и бесчестьем.

Однако какой, по мнению Бердяева, станет будущая судьба России? Как предстоит ей переосмыслить свое горькое прошлое? Какое целительное средство поможет ей пережить духовное перерождение, излечиться и возродиться, обрести новый смысл существования, новую духовную святыню?..

УДК 1(091)(47)
ББК 87.3(2)

ISBN 978-5-17-153150-8

© ООО «Издательство АСТ», 2023

МИРОВАЯ ОПАСНОСТЬ

Вместо предисловия

С горьким чувством перечитывал я страницы сборника статей, написанных за время войны до революции. Великой России уже нет, и нет стоявших перед ней мировых задач, которые я старался по-своему осмыслить. Война внутренне разложилась и потеряла свой смысл. Все переходит в совершенно иное измерение. Те оценки, которые я применял в своих опытах, я считаю внутренне верными, но неприменимыми уже к современным событиям. Все изменилось вокруг в мире, и нужны уже новые реакции живого духа на все совершающееся. Эти новые реакции нужны и для духа, оставшегося верным своей вере, своей идее. Не вера, не идея изменилась, но мир и люди изменили этой вере и этой идее. И от этого меняются суждения о мировых соотношениях. Ни одна из задач мировой войны не может быть положительно разрешена, и прежде всего не может быть разрешен восточный вопрос. Выпадение России из войны — факт роковой для судьбы войны. И роковой смысл этого выпадения я вижу даже не в том, что он дает перевес враждебной нам стороне. Смысл этого события лежит глубже. Русское падение и бесчестье способствовали военным успехам Германии. Но успехи эти не слишком реальны, в них много призрачного. Германские победы не увеличили германской опасности для мира. Я даже склонен думать,

4 что опасность эта уменьшается. Воинственный и внешне могущественный вид Германии внушает почти жалость, если всмотреться глубже в выражение германского лица. Германия есть в совершенстве организованное и дисциплинированное бессилие. Она надорвалась, истощилась и принуждена скрывать испуг перед собственными победами. Ее владычество над огромной, таинственной, хаотической стихией, в прошлом именовавшейся Великой Россией, не может не пугать ее. Она не в силах совладать с больным и павшим колоссом. Она должна будет отступить перед ним, истощив свои силы. Силы германского народа истощаются все более и более, как и силы всех народов Европы. И ныне перед европейским миром стоят более страшные опасности, чем те, которые я видел в этой войне. Будущее всей христианской культуры старой Европы подвергается величайшей опасности. Если мировая война будет еще долго продолжаться, то все народы Европы со старыми своими культурами погрузятся во тьму и мрак. С Востока, не арийского и не христианского, идет гроза на всю Европу. Результатами войны воспользуются не те, которые на это рассчитывают. Никто не победит. Победитель не в состоянии уже будет пользоваться своей победой. Все одинаково будут побеждены. Скоро наступит такое время, что все равно уже будет, кто победит. Мир вступит в такое измерение своего исторического бытия, что эти старые категории будут уже неприменимы.

Все время войны я горячо стоял за войну до победного конца. И никакие жертвы не пугали меня. Но ныне я не могу не желать, чтобы скорее кончилась мировая война. Этого должно желать и с точки зрения судьбы России, и с точки зрения судьбы всей Европы. Если война еще будет продолжаться, то Россия, переставшая быть субъектом и превратившаяся в объект, Россия, ставшая ареной столкновения народов, будет продолжать гнить, и гниение это слишком далеко зайдет к дню окончания войны. Темные разрушительные

силы, убивающие нашу родину, все свои надежды основывают на том, что во всем мире произойдет страшный катаклизм и будут разрушены основы христианской культуры. Силы эти спекулируют на мировой войне, и не так уж ошибочны их ожидания. Всей Европе грозит внутренний взрыв и катастрофа, подобная нашей. Жизнь народов Европы будет отброшена к элементарному, ей грозит варваризация. И тогда кара придет из Азии. На пепелище старой христианской Европы, истощенной, потрясенной до самых оснований собственными варварскими хаотическими стихиями, пожелает занять господствующее положение иная, чужая нам раса, с иной верой, с чуждой нам цивилизацией. По сравнению с этой перспективой вся мировая война есть лишь семейная распря. Теперь уже в результате мировой войны выиграть, реально победить может лишь крайний Восток, Япония и Китай, раса, не истощившая себя, да еще крайний Запад, Америка. После ослабления и разложения Европы и России воцарится китаизм и американизм, две силы, которые могут найти точки сближения между собой. Тогда осуществится китайско-американское царство равенства, в котором невозможны уже будут никакие восхождения и подъемы.

Русский народ не выдержал великого испытания войны. Он потерял свою идею. Но испытания этого может не выдержать и вся Европа. И тогда может наступить конец Европы не в том смысле, в каком я писал о нем в одной из статей этой книги, а в более страшном и исключительно отрицательном смысле слова. Я думал, что мировая война выведет европейские народы за пределы Европы, преодолеет замкнутость европейской культуры и будет способствовать объединению Запада и Востока. Я думал, что мир приближается путем страшных жертв и страданий к решению всемирно-исторической проблемы Востока и Запада и что России выпадет в этом решении центральная роль. Но я не думал, что Азия может оконча-

6   тельно возобладать над Европой, что сближение Востока и Запада будет победой крайнего Востока и что свет христианской Европы будет угасать. А это ныне угрожает нам. Русский народ не захотел выполнить своей миссии в мире, не нашел в себе сил для ее выполнения, совершил внутреннее предательство. Значит ли это, что идея России и миссия России, как я ее мыслю в этой книге, оказалась ложью? Нет, я продолжаю думать, что я верно понимал эту миссию. Идея России остается истинной и после того, как народ изменил своей идее, после того, как он низко пал. Россия, как Божья мысль, осталась великой, в ней есть неистребимое онтологическое ядро, но народ совершил предательство, соблазнился ложью. В опытах по психологии русского народа, собранных в этой книге, можно найти многое, объясняющее происшедшую в России катастрофу. Я чувствовал с первых дней войны, что и Россия, и вся Европа вступают в великую неизвестность, в новое историческое измерение. Но я верил и надеялся, что в решении таинственных судеб человечества Великой России предстоит активная и творческая роль. Я знал, что в русском народе и в русской интеллигенции скрыты начала самоистребления. Но трудно было допустить, что действие этих начал так далеко зайдет. Вина лежит не на одних крайних революционно-социалистических течениях. Эти течения лишь закончили разложение русской армии и Русского государства. Но начали это разложение более умеренные либеральные течения. Все мы к этому приложили руку. Нельзя было расшатывать исторические основы Русского государства во время страшной мировой войны, нельзя было отравлять вооруженный народ подозрением, что власть изменяет ему и предает его. Это было безумие, подрывавшее возможность вести войну.

Теперь уж иная задача стоит перед нами, да и перед всем миром. Русская революция не есть феномен политический и социальный, это прежде всего феномен духовного и религиозного порядка. И нельзя излечить

и возродить Россию одними политическими 7
средствами. Необходимо обратиться к большей
глубине. Русскому народу предстоит духовное переро-
ждение. Но русский народ не должен оставаться в оди-
ночестве, на которое обрекает его происшедшая ката-
строфа. Во всем мире, во всем христианском человече-
стве должно начаться объединение всех положительных
духовных, христианских сил против сил антихристиан-
ских и разрушительных. Я верю, что раньше или поз-
же в мире должен возникнуть «священный союз» всех
творческих христианских сил, всех верных вечным
святыням. Начнется же он с покаяния и с искупления
грехов, за которые посланы нам страшные испытания.
Виновны все лагеря и все классы. Исключительное
погружение Европы в социальные вопросы, решаемые
злостью и ненавистью, есть падение человечества.
Решение социальных вопросов, преодолевающее соци-
альную неправду и бедность, предполагает духовное
перерождение человечества. Целое столетие русская
интеллигенция жила отрицанием и подрывала основы
существования России. Теперь должна она обратиться
к положительным началам, к абсолютным святыням,
чтобы возродить Россию. Но это предполагает перевос-
питание русского характера. Мы должны будем усвоить
себе некоторые западные добродетели, оставаясь рус-
скими. Мы должны почувствовать и в Западной Европе
ту же вселенскую святыню, в которой и мы сами были
духовно живы, и искать единения с ней. Мир вступает
в период длительного неблагополучия и великих потря-
сений. Но великие ценности должны быть пронесены
через все испытания. Для этого дух человеческий дол-
жен облечься в латы, должен быть рыцарски вооружен.

В статьях этих я жил вместе с войной и писал в жи-
вом трепетании события. И я сохраняю последователь-
ность своих живых реакций. Но сейчас к мыслям моим
о судьбе России примешивается много горького песси-
низма и острой печали от разрыва с великим прошлым
моей родины.

I

ПСИХОЛОГИЯ РУССКОГО НАРОДА

Душа России

1

Мировая война остро ставит вопрос о русском национальном самосознании. Русская национальная мысль чувствует потребность и долг разгадать загадку России, понять идею России, определить ее задачу и место в мире. Все чувствуют в нынешний мировой день, что Россия стоит перед великими мировыми задачами. Но это глубокое чувство сопровождается сознанием неопределенности, почти неопределимости этих задач. С давних времен было предчувствие, что Россия предназначена к чему-то великому, что Россия — особенная страна, не похожая ни на какую страну мира. Русская национальная мысль питалась чувством богоизбранности и богоносности России. Идет это от старой идеи Москвы как Третьего Рима, через славянофильство — к Достоевскому, Владимиру Соловьеву и к современным неославянофилам. К идеям этого порядка прилипло много фальши и лжи, не отразилось в них и что-то подлинно народное, подлинно русское. Не может человек всю жизнь чувствовать какое-то особенное и великое призвание и остро сознавать его в периоды наибольшего духовного подъема, если человек этот ни к чему значительному не призван и не предназначен. Это биологически невозможно. Невозможно это и в жизни целого народа.

Россия не играла еще определяющей роли в мировой жизни, она не вошла еще по-настоящему в жизнь европейского человечества. Великая Россия все еще оставалась уединенной провинцией в жизни мировой

и европейской, ее духовная жизнь была обособлена и замкнута. России все еще не знает мир, искаженно воспринимает ее образ и ложно и поверхностно о нем судит. Духовные силы России не стали еще имманентны культурной жизни европейского человечества. Для западного культурного человечества Россия все еще остается совершенно трансцендентной, каким-то чуждым Востоком, то притягивающим своей тайной, то отталкивающим своим варварством. Даже Толстой и Достоевский привлекают западного культурного человека, как экзотическая пища, непривычно для него острая. Многих на Западе влечет к себе таинственная глубина русского Востока. Но все еще не наступало время признания за духовной жизнью христианского Востока равноправия с духовной жизнью Запада. На Западе еще не почувствовали, что духовные силы России могут определять и преобразовать духовную жизнь Запада, что Толстой и Достоевский идут на смену властителям дум Запада для самого Запада и внутри его. Свет с Востока видели лишь немногие избранные индивидуальности. Русское государство давно уже признано великой державой, с которой должны считаться все государства мира и которая играет видную роль в международной политике. Но духовная культура России, то ядро жизни, по отношению к которому сама государственность есть лишь поверхностная оболочка и орудие, не занимает еще великодержавного положения в мире. Дух России не может еще диктовать народам тех условий, которые может диктовать русская дипломатия. Славянская раса не заняла еще в мире того положения, которое заняла раса латинская или германская. Вот что должно в корне измениться после нынешней великой войны, которая являет собой совершенно небывалое историческое соприкосновение и сплетение восточного и западного человечества. Великий раздор войны должен привести к великому соединению Востока и Запада. Творческий дух России займет наконец великодержавное положение

10 в духовном мировом концерте. То, что совершалось в недрах русского духа, перестанет уже быть провинциальным, отдельным и замкнутым, станет мировым и общечеловеческим, не восточным только, но и западным. Для этого давно уже созрели потенциальные духовные силы России. Война 1914 года глубже и сильнее вводит Россию в водоворот мировой жизни и спаяет европейский Восток с европейским Западом, чем война 1812 года. Уже можно предвидеть, что в результате этой войны Россия в такой же мере станет окончательно Европой, в какой Европа признает духовное влияние России на свою внутреннюю жизнь. Бьет тот час мировой истории, когда славянская раса во главе с Россией призывается к определяющей роли в жизни человечества. Передовая германская раса истощит себя в милитаристическом империализме. Призванность славянства предчувствовали многие чуткие люди на Западе. Но осуществление мировых задач России не может быть предоставлено произволу стихийных сил истории. Необходимы творческие усилия национального разума и национальной воли. И если народы Запада принуждены будут наконец увидеть единственный лик России и признать ее призвание, то остается все еще неясным, сознаем ли мы сами, что есть Россия и к чему она призвана? Для нас самих Россия остается неразгаданной тайной. Россия — противоречива, антиномична. Душа России не покрывается никакими доктринами. Тютчев сказал про свою Россию:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только *верить*.

И поистине можно сказать, что Россия непостижима для ума и неизмерима никакими аршинами доктрин и учений. А верит в Россию каждый по-своему, и каждый находит в полном противоречий бытии России

факты для подтверждения своей веры. Подой- 11
ти к разгадке тайны, сокрытой в душе России,
можно, сразу же признав антиномичность России, жут-
кую ее противоречивость. Тогда русское самосознание
освобождается от лживых и фальшивых идеализаций,
от отталкивающего бахвальства, равно как и от бесха-
рактерного космополитического отрицания и инозем-
ного рабства.

Противоречия русского бытия всегда находили себе
отражение в русской литературе и русской философ-
ской мысли. Творчество русского духа так же двоятся,
как и русское историческое бытие. Это яснее всего
видно на самой характерной нашей национальной
идеологии — славянофильстве и на величайшем нашем
национальном гении — Достоевском — русском из рус-
ских. Вся парадоксальность и антиномичность русской
истории отпечатлелась на славянофилах и Достоевском.
Лик Достоевского так же двоятся, как и лик самой Рос-
сии, и вызывает чувства противоположные. Бездонная
глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низо-
стью, неблагородством, отсутствием достоинства, раб-
ством. Бесконечная любовь к людям, поистине Хри-
стова любовь, сочетается с человеконенавистничеством
и жестокостью. Жажда абсолютной свободы во Христе
(Великий Инквизитор) мирится с рабьей покорностью.
Не такова ли и сама Россия?

Россия — самая безгосударственная, самая анар-
хическая страна в мире. И русский народ — самый
аполитический народ, никогда не умевший устраивать
свою землю. Все подлинно русские, национальные
наши писатели, мыслители, публицисты — все были
безгосударственниками, своеобразными анархистами.
Анархизм — явление русского духа, он по-разному
был присущ и нашим крайним левым, и нашим край-
ним правым. Славянофилы и Достоевский — такие же,
в сущности, анархисты, как и Михаил Бакунин или
Кропоткин. Эта анархическая русская природа нашла
себе типическое выражение в религиозном анархизме

12   Льва Толстого. Русская интеллигенция, хотя и зараженная поверхностными позитивистическими идеями, была чисто русской в своей безгосударственности. В лучшей, героической своей части она стремилась к абсолютной свободе и правде, не вмести-мой ни в какую государственность. Наше народниче-ство — явление характерно русское, незнакомое Западной Европе, — есть явление безгосударственного духа. И русские либералы всегда были скорее гуманистами, чем государственниками. Никто не хотел власти, все боялись власти, как нечистоты. Наша православная идеология самодержавия — такое же явление безгосу-дарственного духа, отказ народа и общества создавать государственную жизнь. Славянофилы сознавали, что их учение о самодержавии было своеобразной формой отрицания государства. Всякая государственность пред-ставлялась позитивистической и рационалистической. Русская душа хочет священной общности, бого-избранной власти. Природа русского народа сознается как аскетическая, отрекающаяся от земных дел и зем-ных благ. Наши левые и революционные направле-ния не так уж глубоко отличаются в своем отношении к государству от направлений правых и славянофиль-ских, — в них есть значительная доза славянофильского и аскетического духа. Такие идеологи государственно-сти, как Катков или Чичерин, всегда казались не рус-скими, какими-то иностранцами на русской почве, как иностранной, не русской всегда казалась бюрократия, занимавшаяся государственными делами — не русским занятием. В основе русской истории лежит знамена-тельная легенда о призвании варяг-иностранцев для управления русской землей, так как «земля наша ве-лика и обильна, но порядка в ней нет». Как характерно это для роковой неспособности и нежелания русского народа самому устраивать порядок в своей земле! Рус-ский народ как будто бы хочет не столько свободного государства, свободы в государстве, сколько свободы от государства, свободы от забот о земном устрой-

стве. Русский народ не хочет быть мужественным строителем, его природа определяется как женственная, пассивная и покорная в делах государственных, он всегда ждет жениха, мужа, властелина. Россия — земля покорная, женственная. Пассивная, рецептивная женственность в отношении к государственной власти — так характерна для русского народа и для русской истории*. Нет пределов смиренному терпению многострадального русского народа. Государственная власть всегда была внешним, а не внутренним принципом для безгосударственного русского народа; она не из него созидалась, а приходила как бы извне, как жених приходит к невесте. И потому так часто власть производила впечатление иноземной, какого-то немецкого владычества. Русские радикалы и русские консерваторы одинаково думали, что государство — это «они», а не «мы». Очень характерно, что в русской истории не было рыцарства, этого мужественного начала. С этим связано недостаточное развитие личного начала в русской жизни. Русский народ всегда любил жить в тепле коллектива, в какой-то растворенности в стихии земли, в лоне матери. Рыцарство кует чувство личного достоинства и чести, создает закал личности. Этого личного закала не создавала русская история. В русском человеке есть мягкотелость, в русском лице нет вырезанного и выточенного профиля. Платон Каратаев у Толстого — круглый. Русский анархизм — женственный, а не мужественный, пассивный, а не активный. И бунт Бакунина есть погружение в хаотическую русскую стихию. Русская безгосударственность — не завоевание себе свободы, а отдание себя, свобода от активности. Русский народ хочет быть землей, которая невестится, ждет мужа. Все эти свойства России были положены в основу славянофильской философии

---

* Это вполне подтверждается и русской революцией, в которой народ остается духовно пассивным и покорным новой революционной тирании, но в состоянии злобной одержимости.

14 истории и славянофильских общественных идеалов. Но славянофильская философия истории не хочет знать антиномичности России, она считается только с одним тезисом русской жизни. В ней есть антитезис. И Россия не была бы так таинственна, если бы в ней было только то, о чем мы сейчас говорили. Славянофильская философия русской истории не объясняет загадки превращения России в величайшую империю в мире или объясняет слишком упрощенно. И самым коренным грехом славянофильства было то, что природно-исторические черты русской стихии они приняли за христианские добродетели.

Россия — самая государственная и самая бюрократическая страна в мире; все в России превращается в орудие политики. Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю. С Ивана Калиты последовательно и упорно собиралась Россия и достигла размеров, потрясающих воображение всех народов мира. Силы народа, о котором не без основания думают, что он устремлен к внутренней духовной жизни, отдаются колоссу государственности, превращающему все в свое орудие. Интересы созидания, поддержания и охранения огромного государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории. Почти не оставалось сил у русского народа для свободной творческой жизни, вся кровь шла на укрепление и защиту государства. Классы и сословия слабо были развиты и не играли той роли, какую играли в истории западных стран. Личность была придавлена огромными размерами государства, предъявлявшего непосильные требования. Бюрократия развилась до размеров чудовищных. Русская государственность занимала положение сторожевое и оборонительное. Она выковывалась в борьбе с татарщиной, в смутную эпоху, в иноземные нашествия. И она превратилась в самодовлеющее отвлеченное начало; она живет своей собственной жизнью, по своему закону, не хочет быть подчиненной функцией народной жиз-

ни. Эта особенность русской истории наложила 15
на русскую жизнь печать безрадостности и при-
давленности. Невозможна была свободная игра творче-
ских сил человека. Власть бюрократии в русской жизни
была внутренним нашествием неметчины. Неметчина
как-то органически вошла в русскую государственность
и владела женственной и пассивной русской стихией.
Земля русская не того приняла за своего суженого,
ошиблась в женихе. Великие жертвы понес русский
народ для создания Русского государства, много крови
пролил, но сам остался безвластным в своем необъят-
ном государстве. Чужд русскому народу империализм
в западном и буржуазном смысле слова, но он покорно
отдавал свои силы на создание империализма, в кото-
ром сердце его не было заинтересовано. Здесь скрыта
тайна русской истории и русской души. Никакая фило-
софия истории, славянофильская или западническая,
не разгадала еще, почему самый безгосударственный
народ создал такую огромную и могущественную госу-
дарственность, почему самый анархический народ так
покорен бюрократии, почему свободный духом народ
как будто бы не хочет свободной жизни? Эта тайна
связана с особенным соотношением женственного
и мужественного начала в русском народном характе-
ре. Та же антиномичность проходит через все русское
бытие.

Таинственное противоречие есть в отношении Рос-
сии и русского сознания к национальности. Это — вто-
рая антиномия, не меньшая по значению, чем отноше-
ние к государству. Россия — самая не шовинистическая
страна в мире. Национализм у нас всегда производит
впечатление чего-то нерусского, наносного, какой-то
неметчины. Немцы, англичане, французы — шовини-
сты и националисты в массе — они полны националь-
ной самоуверенности и самодовольства. Русские почти
стыдятся того, что они русские; им чужда национальная
гордость и часто даже — увы! — чуждо национальное
достоинство. Русскому народу совсем не свойственен